

Тихая жизнь

Открылась первая выставка Бориса Анисфельда на родине

В Московском центре искусств открылась выставка Бориса Анисфельда (1879–1973), некогда знаменитого, а теперь полузабытого театрального художника. Выставка проходит в рамках фестиваля «Владимир Спиваков приглашает...» (Спиваков — большой любитель и собиратель Анисфельда, на выставке представлены картины из его коллекции) и продолжает цикл совместных экспозиций Московского центра искусств и американской галереи АВА, посвященных русским художникам в Америке.

Известия, — 2001. — 3 окт. — с. 8

Николай МОЛОК

В 1917 году через Сибирь и Японию Борис Анисфельд эмигрировал в США. До этого в России он успел поработать художником-исполнителем в антрепризе Сергея Дягилева (изготавливал декорации по эскизам Бакста, Головина и Бенуа) и в антрепризе Михаила Фокина. Хотя Анисфельд занимался и живописью (и даже выставлялся вместе с художниками «Мира искусства»), но прославился главным образом как театральный художник — изысканный и красочный. В Америке он продолжил работать в театре, в частности в «Метрополитен-Опера», где делал эс-

скизы декораций к «Снегурочке», «Синей птице» и даже к мировой премьере оперы Прокофьева «Любовь к трем апельсинам».

На выставке лишь несколько театральных работ Анисфельда. В основном же живопись. Очень красивая, перенасыщенная цветом (сам Анисфельд говорил: «Я всегда воспринимаю вещь сначала в цвете»), декоративная, модерново-манерная. Напоминает картины русских символистов, в особенности «голуборозовцев». Но в такой стилистике Анисфельд работал не только в 10-е годы. В 1928 году он оставил театр, начал преподавать в Художественном институте в Чикаго и писать картины — в той же самой манере. Слово художник законсервировался в Америке: он

тихо жил в своем собственном мире, закрытом для посторонних, в том числе для новейших тенденций в искусстве.

Впрочем, та же судьба постигла и большинство русских художников, бежавших, надо думать, не столько даже от революции, сколько от авангарда. Самый известный пример — Марк Шагал, которого Малевич выдал буквалью. Но не менее показателен случай скульптора Степана Эрзи, чья выставка сейчас открыта в Третьяковской галерее. Он вывез на Запад русский символизм, заморозил его в Аргентине, а потом — в конце 40-х годов — вернулся на родину. На тогдешние выставки живого (а не музейного) символиста Эрзи в Москве стояли очереди, как в 70-е годы будут стоять на Глазунова. Анисфельд не вернулся и народной любви соотечественников не познал. Зато и не валя Сталина, как Эрзи, и не писал Брежнева, как Глазунов. А тихо и долго жил в Америке, как будто русский «серебряный век» все еще продолжался.